

Кузьмин А.

Запорожская сечь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А11

А11 **А. К.**
Запорожская сечь / Кузьмин А. – М.: Книга по Требованию, 2026. – 98 с.

ISBN 978-5-519-91623-3

ISBN 978-5-519-91623-3

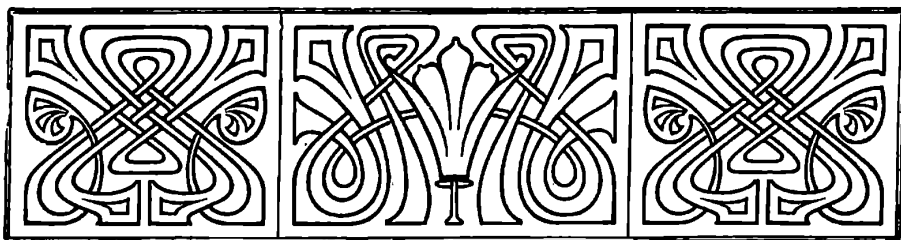
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

- „За работу дитки, до брони!“
- „За виру и Сичъ-мѣти!“

Слишкомъ 300 лѣтъ тому назадъ, во второй половинѣ XVI-го столѣтія, граница Московскаго царства начиналась на западѣ около Пскова, шла на Смоленскъ, Орелъ, а затѣмъ поворачивала на востокъ, доходя примѣрно до города Хвалынска, что на Волгѣ.

Къ западу отъ Смоленска лежало королевство Польское, а къ югу шли прекрасныя земли Украины (Малороссіи); Крымъ, Кавказъ и все побережье Чернаго моря было подъ властью исконныхъ враговъ нашихъ: Турокъ и Татаръ.

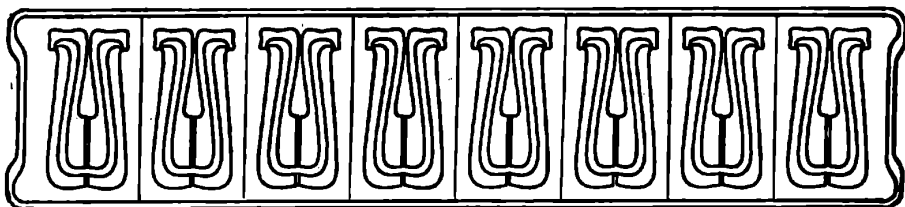
Необъятныя степи, лежащія на югѣ Украины, простирались до самаго Чернаго моря; онѣ были пустыни и дики; только звѣрь разный да птица водились въ нихъ; страхъ отъ набѣговъ татаръ, разоряющихъ селенія и увозящихъ въ полонъ жителей ихъ, не позволялъ селиться тамъ и обрабатывать богатую землю. Только на островахъ Днѣпра, ниже его пороговъ, кипѣла жизнь ключомъ: то была знаменитая «Запорожская Сѣчь».

Откуда же взялись и кто были тѣ, которые заселили пустынные острова Днѣпра и положили начало «Сѣчи», будущей грозѣ крымцевъ (татаръ) и ляховъ (поляковъ)?

Первыми поселились тамъ выходцы изъ Малороссіи, истинные сыны ея, плоть отъ плоти, кость отъ кости ея, а за ними ужъ и бѣглые хлопы изъ польской Украйны.

Чтобы вполнѣ разъяснить, какія причины вызвали возникновеніе Запорожской Сѣчи, мы должны начать издалека.

I.

Происхожденіе казачества. Запорожье.

„И пиду я одружуся
Зъ моимъ вирнымъ другомъ—
Та зъ Великимъ Лугомъ.
На Хотрици у матери
Буду добре жити,
У оксамити ходити
Медь-вина пити!“

Шевченко.

Со времени княженія Владимира Великаго русскіе владѣли землями по обѣ стороны Днѣпра, имѣя своимъ стольнымъ (главнымъ) городомъ Кіевъ; но нашествіе татаръ, полонившихъ Россію въ XIII-мъ вѣкѣ и утвердившихся въ степяхъ южной Россіи, обезлюдили нѣкогда богатые земли Украйны; Кіевъ былъ разоренъ, митрополитъ русскій переселился изъ него въ Владиміръ на р. Клязьмѣ, большинство русскихъ князей съ дружинами бѣжали туда же или на западъ. Слишкомъ 70 лѣтъ народъ русскій терпѣлъ татарское иго и такъ обезсилѣлъ, что въ 1320 году литовцы легко овладѣли всей Украйной.

Литовцы были бѣдный и небольшой народъ, жившій въ нынѣшнихъ Ковенской и Гродненской губерніяхъ, въ то время покрытыхъ дремучими лѣсами и болотами; эти-то лѣса и болота спасли литовцевъ отъ татаръ и дали имъ возможность окрѣпнуть.

Литовцы сначала были язычники, но потомъ постепенно переходили въ православіе, усваивали языкъ и обычаи русскихъ; князья литовскіе женились на русскихъ княжнахъ, а потому народъ русскій привыкъ смотрѣть на нихъ и на дѣтей ихъ какъ на своихъ, а тѣ въ свою очередь не считали себя для народа чужими. Дань платили русскіе литовцамъ малую, судились и управлялись по своимъ обычаямъ; когда нападали татары, литовцы и русскіе отбивались отъ нихъ сообща. Вообще подъ литовскимъ владычествомъ русскимъ жить было лучше, чѣмъ подъ игомъ татаръ; но это продолжалось не долго: въ 1386 году великій князь литовскій Ягелло женился на польской королевѣ Ядвига и принялъ католическую вѣру; княжество Литовское и королевство Польское соединились подъ одною властію.

Сама Польша была невелика, а потому полякамъ хотѣлось воспользоваться землями литовскими, но сразу этого сдѣлать было нельзя, т. к. Литва была княжествомъ отдѣльнымъ и управлялась своимъ обычаемъ и закономъ; но вскорѣ великіе князья литовскіе, они же короли польскіе, стали заводить на Литвѣ и Руси порядки польскіе.

Въ самой же Польшѣ порядки были таковы, что страной правилъ на самомъ дѣлѣ не король, а шляхта (дворянство).

Было уже сказано, что много князей русскихъ съ дружинами бѣжало отъ татаръ на западъ, стало быть и въ Польшу; дружинники впоследствии превратились на Руси въ бояръ, а въ Польшѣ въ шляхту, и такъ она сильна стала здѣсь, что король принужденъ былъ поступать по ея желанію, тѣмъ болѣе, что королей выбирала сама шляхта при помощи сейма.

Сеймомъ называлось собраніе выборныхъ отъ шляхты; въ сеймъ попадали лишь самые вліятельные и богатые изъ нея; сеймъ издавалъ законы и, конечно, такіе, которые были удобны и желательны для пановъ (шляхты).

Благодаря сейму паны получили исключительное право имѣть крѣпостныхъ, строить крѣпости, лить пушки, казнить смертію своихъ хлоповъ (крѣпостныхъ); многіе магнаты (знатные паны) были такъ богаты, что ихъ помѣстья представляли изъ себя дворцы, вооруженные какъ крѣпости пушками и охраняемые собственными войсками «хоругвями», набранными изъ бѣдныхъ шляхтичей, и командами «жолнеровъ» — конницы, набранной изъ русскихъ, но одѣтой по нѣмецкому образцу.

Магнаты не признавали ничьей власти, даже короля, и дѣлали въ своихъ земляхъ все, что имъ только было угодно.

Сказано уже, что поляки поглядывали съ завистью на богатые земли княжества литовскаго, желая прибрать ихъ въ свои руки и завести тамъ свои порядки.

Первое, что нужно было сдѣлать для этого, заключалось въ уничтоженіи Литовскаго княжества, какъ отдѣльнаго государства; несмотря на противодѣйствіе многихъ русскихъ дворянъ, понимавшихъ, чего добиваются поляки, въ 1569 году, съ согласія короля, на Люблинскомъ сеймѣ была введена политическая унія, т.-е. соединеніе Польши и Литовскаго княжества въ одно государство; съ тѣмъ, однако, условіемъ, что Литва и Русь соединятся съ Польшей, «какъ равные съ равнымъ и вольные съ вольнымъ».

Поляки обманули; Люблинская унія была первымъ шагомъ къ тому, чтобы Литву и Русь ополячить; польская шляхта стала перебираться въ Украину, гдѣ селилась на выпрошенныхъ у короля земляхъ, раздаваемыхъ имъ въ награду за службу; литовскіе и русскіе дворяне, желая получить права шляхты и во всемъ сравняться съ нею, стали переходить въ католичество. Этому способствовало отчасти то, что всѣ школы, въ которыхъ обучались дѣти дворянъ, захватили въ свое вѣдѣніе католическіе монахи-іезуиты и разными способами совращали юношей въ католичество; дѣти дворянъ, принявшихъ католичество, стали уже настоящими шляхтичами, ихъ тянуло къ полякамъ,

и вскорѣ такихъ русскихъ дворянъ нельзя было отличить отъ коренныхъ поляковъ.

Весь простой народъ русскій остался непоколебимъ въ вѣрѣ и языкѣ отцовъ своихъ, и ничто не могло его заставить перейти въ католичество и говорить по-польски.

Исподволь на Украинѣ стали прививаться польскіе порядки, въ числѣ ихъ и крѣпостничество; не прошло и нѣскольکو десятковъ лѣтъ, какъ русскій народъ увидѣлъ себя въ горчайшей кабалѣ; разница въ вѣрѣ и языкѣ пана и хлопа уничтожила прежнюю близость между ними, они стали чужды другъ другу.

Панъ - католикъ, живя на счетъ своихъ хлоповъ, не жалѣлъ ихъ, какъ «схизматиковъ» (еретиковъ), выжималъ изъ нихъ всѣ соки и звалъ ихъ не иначе какъ «быдломъ», т.-е. скотомъ.

Тяжела и горька была жизнь хлопа у пана, особенно въ тогобочной Украинѣ (правобережной), а потому много стало убѣгать ихъ на востокъ и на Низъ *), гдѣ они, если только не были перехвачены въ дорогѣ, превращались въ вольныхъ казаковъ.

«Казакъ» по-татарски значитъ бродяга, наѣздникъ, вольный воинъ; это названіе появилось давно, такъ называли вольныхъ жителей лѣвобережной Украины, которые плавали внизъ по Днѣпру за рыбою и затѣмъ продавали ее въ Кіевѣ и другихъ городахъ.

Со времени присоединенія Руси къ Польшѣ эти смѣльчаки стали набираться старостами изъ королевскихъ мѣстечекъ и волостей или сами собирались въ шайки и выбирали себѣ предводителей. Ловля рыбы въ низовьяхъ Днѣпра, въ сосѣдствѣ съ татарами, часто оканчивалась кровавыми стычками съ ними, а потому эти рыболовы въ то же время должны были быть воинами, отчего стали называться казаками.

*) „Низомъ“ называлось Запорожье, лежавшее за Днѣпровскими порогами.

«Казаковать» на Низу ходили главнымъ образомъ жители Черкасѣ и Канева, какъ ближайшіе къ рѣкѣ; эти два города и были мѣстомъ, изъ котораго впослѣдствіи разошлось казачество по всей Украинѣ.

Частые набѣги татаръ заставили сначала самихъ жителей, а потомъ и польское правительство, принять мѣры къ правильному устройству казачества; между предводителями и устроителями казачества замѣчательны: князь Дмитрій Вишневецкій и Евстаѣй Дашковичъ, прозванный «знаменитымъ казакомъ».

По его просьбѣ король пожаловалъ казакамъ приднѣпровскія земли, а потому эти казаки и стали называться приднѣпровскими, въ отличіе отъ тѣхъ изъ нихъ, которые оставались иногда зимовать на Низу, за порогами Днѣпра и назывались «запорожскими».

Казаки черкасо-каневскіе (днѣпровскіе) и запорожскіе были освобождены отъ многихъ повинностей, но зато на нихъ была возложена обязанность защищать границы Украины отъ татарскихъ набѣговъ. Для этой цѣли днѣпровскіе казаки были раздѣлены на полки и сотни; полки назывались по городамъ, сотни — по мѣстечкамъ и слободамъ; полками командовали полковники, а надъ всѣми вообще казаками — общій начальникъ, «гетманъ войска запорожскаго».

Казаки обязаны были держать въ степи «варту», т.-е. линію сторожевыхъ постовъ, чтобы извѣщать Украину о набѣгахъ татаръ. Варта далеко выдвигалась въ степь и располагалась на курганахъ (холмахъ); какъ только показывались татары, на вартѣ зажигался большой костеръ; этотъ сигналъ принимался на слѣдующей вартѣ и такъ далѣе, вплоть до пограничныхъ селеній.

Съ ужасомъ смотрѣлъ народъ на мигавшіе, какъ громадныя звѣзды, огни сторожевыхъ постовъ. «Татары идутъ, татары!» — быстро расходился этотъ слухъ по Украинѣ; женщины и дѣти спѣшили въ города или скрывались въ

глухія мѣста; домашній скарбъ и скоть прятали въ лѣсахъ и оврагахъ; мужчины вооружались и садились на коней, спѣша къ сборнымъ мѣстечкамъ.

Такъ готовилась Украина къ встрѣчѣ врага.

Вначалѣ польское правительство не дѣлало различія между черкасо - каневскими и запорожскими казаками, даже покровительствовало послѣднимъ, находя выгоднымъ имѣть на отдаленнѣйшихъ границахъ государства добровольную и храбрую стражу. Такъ, на Городенскомъ сеймѣ, въ 1522 году, Дашковичъ предложилъ даже днѣпровскіе острова застроить крѣпкими замками (крѣпостями) и постоянно держать тамъ стражу въ 2000 пѣшихъ и 400 конныхъ казаковъ; его предложеніе принято было съ сочувствіемъ.

Однако отношенія польскаго правительства къ запорожскимъ казакамъ скоро измѣнились: запорожцы не упускали случая разбить татарскій улусъ и напасть на ханскія земли, а татары за это отомщали вторженіемъ въ Украину. Польша неоднократно жаловалась хану на набѣги татарскихъ отрядовъ, а тотъ отвѣчалъ на это просьбою усмирить запорожцевъ; напрасно польское правительство приказывало гетману войска запорожскаго обуздать запорожцевъ: эти часто не хотѣли признавать его власти надъ собою, пользуясь отдаленностью и недоступностью Запорожья, а вскорѣ совсѣмъ перестали считать себя даже подданными Польши, называя себя «вольными казаками», и начали укрывать у себя всякихъ бѣглецовъ изъ Польши и Украины.

Дѣло въ томъ, что при набѣгахъ татаръ часто заставляли выходить въ поле и мѣщанъ; имъ было это тяжело, т. к. хозяйство сильно страдало отъ продолжительныхъ отлучекъ и нужно было расходовать на коня и вооруженіе. Мѣщане не могли не видѣть преимущества казаковъ, которые не только были освобождены отъ различныхъ повинностей и не терпѣли притѣсненій отъ королевскихъ старостъ, но и пользовались почетомъ какъ воины, под-

вергавшіе свою жизнь опасностямъ для защиты мирныхъ жителей. Мѣщане уходили на Низъ, а возвратившись оттуда, считали и называли себя вольными казаками и не хотѣли больше слушаться королевскихъ старость.

Такимъ путемъ казачество разрасталось и могло сдѣлаться опаснымъ для самой Польши; поляки рѣшили положить конецъ этимъ переходамъ: былъ составленъ списокъ-реестръ казаковъ, и въ него было занесено всего лишь 6000 человекъ, которые стали называться реестровыми казаками.

Ограниченіе перехода въ казаки реестромъ послужило въ послѣдствіи основаніемъ для многихъ смуть и неурядицъ на Украинѣ, т. к. казаки добивались то увеличенія числа реестровыхъ, то отмены реестра совсѣмъ.

Одновременно съ мѣщанами начали убѣгать на Запорожье и жители панскихъ имѣній; такъ какъ этимъ наносился ущербъ панскому хозяйству, то имъ запрещалось всегда какимъ бы то ни было способомъ переходить въ казачество. Оставалось хлопамъ одно: бѣжать на Низъ совсѣмъ, они такъ и дѣлали; этой «сѣрой голи» все равно нечего было жалѣть на родинѣ, и вольная жизнь запорожцевъ послѣ панскихъ издѣвательствъ должна была имъ казаться раемъ.

Такимъ путемъ на Низу собралось много постоянныхъ жителей—бѣглецовъ изъ Украины и Польши.

Низъ или Запорожье составляли земли, лежащія по обѣ стороны Днѣпра, ниже его пороговъ, почти до самаго Чернаго моря.

Мѣста эти были степныя, и природа носила здѣсь двойственный характеръ; по мѣстамъ она представляла необычайное изобиліе, какимъ вообще отличалась Украина (лежащая выше пороговъ), а по мѣстамъ являла собою крайній недостатокъ.

Весною Запорожье представляло собою безгранично раскинувшуюся зеленую скатерть, безбрежную, какъ бы

шелковистую пелену, съ нависшими скалами надъ многоводными рѣками и глубокими балками.

И сколько здѣсь было разнообразія! Вотъ разстилается логъ, тянется оврагъ; тамъ по берегамъ рѣкъ скалы выступаютъ изъ-за скалъ; тутъ мелодически журчитъ ручей, или капризно извивается чистая, какъ хрусталь, рѣка; вотъ высятся небольшіе пригорки, поднимаются курганы и могилы, а тамъ подальше, у могучихъ текущихъ водъ черняють дремучіе, дѣвственные, густолиственные лѣса.

Все это чрезвычайно красиво и величественно!

Запорожье было богато водою: одинъ Днѣпръ съ его притоками занималъ огромную площадь земли, давая возможность развиться богатой лѣсной и степной флорѣ, несмотря на палящее солнце лѣтомъ и лютую стужу зимой; правда, лѣса не занимали огромныхъ площадей, но зато поражали путешественника густотою своей чащи, величиною отдѣльныхъ деревьевъ и разнообразіемъ породъ послѣднихъ.

Здѣсь встрѣчались: липа, кленъ, грабъ, вязъ, дубъ, ясень, чинаръ, кожевенное дерево, лоза, осокорь, ива, верба, шиповникъ, боярышникъ, шелковица, терновникъ, дикая груша и яблоня, дули, барбарисъ и много другихъ.

Наиболѣе крупныя лѣсныя пространства лежали лишь къ востоку отъ устья Днѣпра, а въ остальномъ Запорожьѣ лѣсъ росъ повсемѣстно по берегамъ рѣкъ и балокъ.

Земля была плодородна и тучна; она могла изобильно производить разнаго рода хлѣбъ: рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, гречиху, просо, ленъ, конопель и пр.;—изъ огородныхъ овощей: арбузы, дыни, огурцы, картофель, чеснокъ, лукъ, свеклу, петрушку и др.

На пространствахъ нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ десятинъ можно было найти множество видовъ растительности: дикій чай, шалфей, ковыль, цикорій, куколь, спаржу, хрѣнъ, макъ, ромашку и другихъ.

Все это при первомъ блескѣ весенняго солнца подни-